

ИЗ ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО ТЕАТРА

СМОЛЬКОВСКИЙ ПЕРИОД.

Публичный театр в Н. Новгороде, основанный помещиком князем Н. Г. Шаховским, открылся в 1798 г. Труппа состояла из талантливых крепостных.

Под неограниченно-самодержавным управлением Шаховского театр существовал 30 лет и завоевал неплохую репутацию. В 1817 г., когда Макарьевская ярмарка была перенесена в Н. Новгород, князь построил здание театра и на территории ярмарки.

После смерти Шаховского наследники не захотели возиться с театром и продали его вместе с актерами и их семьями (до 90 чел.) купцу Климову и чиновнику Распутину.

Театр превратился в капиталистическое предприятие.

Климов и Распутин вложили в него 100 тыс. рублей ассигнациями. Вся труппа обязалась играть на чисто кабальных условиях 10 лет исключительно в театре выкупивших ее „благодетелей“. И благодаря постоянству труппы, театр за эти годы достиг большой популярности.

В составе труппы были талантливые актеры драмы, оперы и балета, в числе их такие звезды того времени, как Вышеславцева, Минай-Поляков и др. Распутин ангажировал и видные столичные артистические силы, в том числе артистов, игравших на сцене петербургского театра: Ширяева, Караулова, Мочалова и др.

На каких условиях работали артисты в театре Распутина, видно из того, что одна из самых лучших артисток—А. Вышеславцева получала 170 руб. в год и „месячину“—пуд муки, 20 фунтов крупы и 10 рублей деньгами. Бенефисы давались только московским и петербургским гастролерам и лишь под конец десятилетия, изредка, предоставлялись некоторым своим выдающимся артистам.

Но как только кончился срок действия кабального договора и актеры стали „вполне свободными“ людьми, пошатнулось распутинское благополучие. Той же, например, Вышеславцевой пришлось платить уже 3000 руб. ассигнациями и предоставлять два бенефиса в год. И Распутин в 1838 г. передает театр московскому артисту В. И. Живокини.

Последовавшее за распутинским кабальным периодом десятилетие (1838—1847 гг.) было периодом крайней неустойчивости в жизни театра, периодом антрепренерской чехарды, которая сильно пошатнула театр. Живокини вначале размахнулся было во всю широту своей артистической натуры: улучшил труппу, спектакли давал роскошные, в костюмах плис заменял настоящим бархатом и атласом, а мишуру—золотом и серебром. Непрактичный антрепренер был наказан крахом.

Переходя из рук в руки, театр падал все ниже и ниже (лучшие артисты разбегались), а при хозяине—статском советнике Никольском и вовсе упал. Посетивший театр в 1843 г. барон Гакстгаузен пишет:

„Несмотря на то, что для провинциального театра играли вообще хорошо и что давалась любимая опера, театр был почти пуст: кроме нас, занявших 8 мест, в ложах и партере было человек 20, да в задних рядах человек 10“.

„В апреле 1847 года заведывание театром перешло в другие руки, — пишет Гациский, — в руки одного сильного тогда в Нижнем лица, официального представителем которого был Ф. К. Смольков“.

Этим сильным лицом являлся тогдашний нижегородский губернатор, князь Урусов, за помощью к которому обратилась находившаяся в „безвыходном положении“ вдова антрепренера Никольского. Театры были кругом

в долгу. Здания — оба ярмарочные и городской — пришли в крайнюю ветхость. Декорации и костюмы тоже обветшали донельзя.

По поручению князя Смольков едет в г. Ефремов, Тульской губернии, к уездному предводителю дворянства Кологривову, которому фактически принадлежали театры, рассчитаться с ним за прежнее время и побудить его отремонтировать театры, или приобрести от него театры покупкой в собственность нижегородских детских приютов...

„Поторговавшись с ним обстоятельно, — пишет Смольков в своей автобиографии, — я купил театры за 2500 руб. серебром, считая тут и аренду за два года, не уплаченную г. Никольским“.

Брошенный всеми, как своеобразный подкидыш, театр получил призрение у детских приютов, стал „казенным“ предприятием, попал в распоряжение местной губернской и городской власти.

С этого момента, восемь лет непрерывно, театром управляет Смольков. Театр „возрождается“, встает на ноги.

Но в 1855 г. Урусов, назначенный генерал-губернатором трех западных губерний, уезжает из Н. Новгорода. Наступает „смутное время“ в истории театра, которое продолжается 6 лет.

Новый губернатор, генерал Анненков, поручил управление театром дирекции. В нее, кроме Смолькова, вошли три нижегородские чиновные столпа: управляющий соляным правлением Якоби, директор ярмарочной конторы Варенцов и „знаменитый“ в свое время полицеймейстер Лаппа. Казалось, как не благоденствовать „счастливому“ подкидышу под неусыпными заботами таких „высоких“ нянек!.. Но дирекция скоро распалась. Смольков почувствовал себя не в „своей тарелке“ и отказался от „высокой чести“ быть в составе дирекции. С великого поста до ярмарки 1855 г., пока не было спектаклей, театром управлял „триумвират“. Но уже перед началом ярмарки из состава его вышел соляной сатрап Якоби, а вскоре после ярмарки отказался и „сам“ Лаппа. Остался один директор ярмарочной конторы Варенцов. За два сезона до великого поста 1857 г. этот директор довел задолженность театров до 11 500 рублей серебром, издержанных будто бы им „из собственности“, как пишет Смольков, и тоже отказался от театра, представив приходо-расходные книги новому губернатору А. Н. Муравьеву.

В это время из Петербурга приезжает Лаппа, привозит своего приятеля Новосильцева, которого и рекомендует Муравьеву в качестве директора театров. Театральные таланты нового директора были немногим выше талантов и задатков его „высокого“ покровителя: уже в ярмарку 1857 г. он оказался в больших убытках.

„Смутное время“ опять расшатывает театр. Дело доходит до того, что в сезон 1861-62 г. он не имеет постоянной труппы, функционирует sporadически: артисты то наезжают, то так же быстро исчезают. На фоне театральной разрухи в городе начинает развиваться деятельность многочисленных любительских трупп, которые, по свидетельству современников, давали зачастую неплохие спектакли и концерты.

Скоро любители смыкаются с профессионалами-артистами театра, ставятся „смешанные“ спектакли и концерты. Но уже к началу второй половины 60-х гг. любительщина вырождается, все более переходит к пошлому водевильному репертуару; театр же, под управлением возвратившегося в него Смолькова, постепенно крепнет и к сезону 1866-67 г. совершенно вытесняет любительские спектакли.

В этот сезон театр имел значительно улучшенную труппу, особенно в части мужского персонала. На нижегородской сцене, наряду с неизменным старожилем, талантливым „премьером“ Трусовым, выступают молодые, начинающие таланты: Н. В. Самойлов — сын знаменитого Василия Васильевича, Загорский, талантливый декламатор Ральф, А. П. Ленский и его будущая жена Сорокина 2-я.

На ярмарочный сезон Смольков еще свесны 1867 г. получил разрешение на постановку нашумевшей тогда в столицах трагедии „Смерть Иоанна Грозного“ и пригласил на гастроли виднейших артистов императорского театра — Бурдина, Нильского и др.

В феврале 1869 г. театр сгорел. Как и после пожара 1853 г., он в течение двух лет был без своего помещения, спектакли давались от случая к случаю, и на сцену вновь выступили любительские и „смешанные“ спектакли и концерты в клубах, гостиницах и других помещениях города, имевших залы.

Возобновил свою работу театр в здании, принадлежавшем сначала Бугрову, а потом Турчанинову, на месте, где сейчас стоит Дом союзов. Зависимость его от детских приютов была ликвидирована. И он вновь становится собственностью и предприятием антрепренера.

* * *

За свое долголетнее антрепренерство Ф. К. Смольков стяжал своеобразную известность в актерской среде.

„С растерянным взглядом, всегда серьезный, он производил на первых порах впечатление человека очень деловитого и далеко не глупого, — пишет о нем видный в свое время петербургский артист Нильский. — При дальнейшем же с ним знакомстве можно было сделать безошибочное заключение, что это — мелкий коммерсант, ничего общего с театром не имеющий и смотрящий на искусство, как на доходную статью, ограниченный, малообразованный и при всем том искренний чудак“...

До управления театром и в краткие перерывы театральной деятельности он служил и имел значительный стаж чиновника. Служебная его карьера была связана с тюрьмой и арестантской ротой. Понятно, поэтому, что и обращение с актерами у Смолькова было самое грубое.

Очень многие из состава труппы работали в Нижегородском театре чуть ли не всю жизнь. Ленский говорит, что новыми персонажами в труппе в 1866 г. были только Ральф, Самойлов, Душкин и он, остальные же служили у Смолькова по 10, 15, 20 лет и более.

Представляя собой по преимуществу малокультурную, заполнявшую свободное время интригами и попойками богему, этот „нижний слой“, основной по количеству массы актеров, был крепко опутан паутиной всей сложной системы антрепренерской эксплуатации.

Ужимая лишнюю копейку в размерах актерского жалованья, Смольков не скупился на „бенефисы“ и „полубенефисы“, но бенефисы для актеров „средняков“ зачастую кончались „недобором“. — Когда антрепренер подсчитывал вычеты за театр, за афиши (афиши печатались в собственной небольшой типографии Смолькова), за пьесу, за переписку ролей, за билеты, за освещение, за оркестр, за прислугу и т. п., то бедные „бенефицианты“ зачастую бывали рады, если удавалось свести концы с концами или если дело кончалось сравнительно небольшим вычетом из жалованья. Но случалось и хуже.

При театре имелся буфет, который содержался побочным сыном Смолькова. В большинстве беспечная, непрактичная и нерасчетливая актерская „братия“ не стеснялась им пользоваться. Обвешиваемые, обсчитываемые и спаиваемые буфетом актеры залезали в долги, которые их крепко привязывали к Смолькову. Водкой предприимчивый антрепренер снабжал актеров в неограниченном количестве и в кредит...

Была у Смолькова также сделка с торговцем-мануфактуристом. Поэтому он охотно принимал просьбы о возобновлении платья и давал записку о приобретении в кредит мануфактуры у этого торговца. Товар отпускали лежалый, гнилой, в пятнах, нередко изъеденный молью и, конечно, вдвое дороже, чем стоил бы такой же, но хорошего качества, в другом магазине.

За это Смолькову с каждого рубля горемыки-актера магазин отдавал чудовищный процент.

Вместе с тем у Смолькова процветала самая беспардонная „система“ штрафов — без всяких правил, по его личному усмотрению.

Непрочь был предприимчивый антрепренер надуть и любого из ангажируемых им „премьеров“ и „знаменитостей“, заполучить их по максимально-дешевой цене.

Если ко всему этому прибавить факты гнусного сводничества, „запро-

дажи“ Смольковым актрис на содержание богатым развратникам, выторговывания „куртажных“ себе, пропивание „запроданных“, уважение к актрисам лишь постольку, поскольку они имеют богатых „покровителей-патронов“, — то перед нами встанет во весь рост фигура хищника-предпринимателя „доброе старое время“, мало чем отличающаяся от кулака, торгаша, заводчика или скупщика.

„И тем не менее, — говорит А. П. Ленский, — несмотря на все эти кулацкие замашки, Смольков несомненно любил театр“...

Но, разумеется, и „любовь“ эта была своеобразная — любовь предпринимателя к коммерческому предприятию, дающему доход. Поэтому, как говорит Нильский — „режиссеров он недолюбливал, старался более обойтись „домашним способом“, что, разумеется, вызывало небрежности, анахронизмы и... уродства драматических произведений... Однако счастье везло ему и все преблагополучно сходило с рук“.

В 1876 г. Смольков закончил свою театральную деятельность тем же, чем кончали и его предшественники и преемники — крахом. Он задумал выстроить свое, новое большое театральное здание, но, не имея достаточно средств, залез в долги и разорился.

* * *

Смольковский период в истории Нижегородского театра — типичен для театра помещичье-капиталистической эпохи, когда, по выражению Нильского, „зритель смотрел на театр не как на искусство, а как на обыкновенное увеселительное заведение“, когда его наполняла „чистая публика“ и ждала от него „щекотания нервов“, избавления от „зеленой скуки“.

Беспардонная эксплуатация, нищета, неуверенность в завтрашнем дне, полная зависимость от хозяйской милости принижали актера-„средняка“, сводили его творческую работу к ремесленничеству.

Нужно было обладать волей Трусова, чтобы развить свой талант и заставить себя уважать и „заметить“. Нужно было быть закованным в броню „рыцарских чувств“, как А. П. Ленский, чтобы не пасть под совместным натиском грязного антрепренера и „чистого зрителя“ и сделать себе имя.

Большинство же натиска не выдерживало и в тоске по творческой обстановке топило, как Прусаков и Востоков, свой талант и человеческий образ в водке.

Каким далеким кажется это мрачное, кошмарное прошлое!

Только в СССР работники искусства окружены вниманием и заботой правительства, любовью и глубоким уважением народа.

Только в СССР театр и артисты подняты на почетную высоту воспитателей трудящихся масс в их борьбе за окончательную победу коммунизма.

